

Наркопотребление: проблема выбора (версия I).

Традиционно, проблема потребления наркотиков рассматривается в двух плоскостях: как медицинская или как юридическая проблема. В лучшем случае, речь идет о медицине и юриспруденции как о двух аспектах проблемы. Однако, такое понимание проблемы потребления наркотиков недостаточно. Возможно, на более глубоком уровне, наркопотребление может быть понято как социальное явление, но не в значении объекта узкоспециальных наук, а в значении феномена, отсылающего к смыслу термина «социальное животное». (Аристотель, 1976)

Нижеследующий текст следует рассматривать как опыт осмысления проблемы потребления наркотиков в контексте организации пространства социального.

По всей видимости, в числе наиболее значимых характеристик современного общества в первую очередь должны быть названы прагматизм, рациональность и здравый смысл. Нет сомнений в том, что основаниями, так определенной конфигурации представления о строительстве «идеального общества», выступают логичность, и отсылающая к ней законность.

После Аристотеля всем должно быть известно, что «только невежды ищут для всего доказательств», поскольку логические аксиомы в доказательстве не нуждаются, будучи сами основанием любого доказательства. И таких первых оснований существует два: закон противоречия и закон исключенного третьего. Первый обычно формулируется в форме «одна и та же вещь в одном и том же отношении не может быть и не быть одновременно»; второй – в форме «всякое высказывание должно быть либо истинным, либо ложным». (Аристотель, 1976)

Очевидно, что в основании обоих законов лежит логическая операция известная под названием строгой дизъюнкции. Строгую дизъюнкцию обычно представляют в форме «либо, и только либо А, либо, и только либо В». Несмотря на то, что строгая дизъюнкция оказывается самым сердцем Западного мышления, ставшего уже, как кажется, эквивалентом мышления вообще; того мышления, которое претендует на логичность, законность и рациональность, сама в себе дизъюнкция разорвана, и содержит в качестве подлинного и глубочайшего своего смысла алогичность и иррациональность. В самом деле, только «задним числом» дизъюнкция выступает в качестве предельного логического основания: только выполненная дизъюнкция предполагает категории истины и лжи. Но «до» выполнения дизъюнкции, А и В соплагаются как равные во всех отношениях: т.е. равно истинные и равно ложные одновременно, а точнее, они вообще не соотносятся с истиной и ложью.

Иначе говоря, проблема выполнения дизъюнкции может быть сформулирована как «проблема Буриданова осла». Действительно, как может быть возможен *законный* выбор, при полной неразличимости того, из чего

необходимо выбирать? Сама «равноистинность» терминов альтернативы А и В оказывается логически невозможной, поскольку противоречит как закону исключенного третьего, так и закону противоречия.

Таким образом, только *выполненная* дизъюнкция может быть законной и логичной, тогда как само ее выполнение оказывается произволом, а значит насилием, в чистом виде. В самом деле, «проблема Буриданова осла» состоит в том, что он не видит законных оснований для выполнения дизъюнкции. Более того, как вообще может быть выполнена логическая операция там, где нет первых оснований логики – закона исключенного третьего, и закона противоречия? И поскольку «Буриданов осел» не видит *законных* оснований, он не выполняет дизъюнкцию вовсе, в результате чего и оказывается «ослом» с точки зрения *уже выполненной* дизъюнкции.

Итак, первым принципом логики, а значит рациональности и прагматичности, выступает строгая дизъюнкция, которая в самой себе есть *произвол*, узаконивающий себя «задним числом».

Таким образом, становится понятным, почему принцип самоидентификации – я и другой, – построен как строгая дизъюнкция. Но выполненная дизъюнкция претендует на истинность, и претензия эта связана с необходимостью *скрыть* произвольность и незаконность сделанного выбора. Именно в связи с этой претензией формируются понятия нормы и аномалии. Действительно, узаконенный «задним числом» член дизъюнкции, постулируемый в качестве *центральной позиции* или нормы, обрушивает всю мощь закона и рациональности на отрицаемый член дизъюнкции, постулируемый в качестве *маргинальной позиции* или аномалии.

Когда я употребляю наркотики, я должен понимать, что это *незаконно*, *ненормально* и *нерационально*. Это так потому, что люди сделавшие выбор в пользу *неприменения* наркотиков, считают это законным, нормальным и рациональным; потому что таких людей большинство, и они обладают властью.

К сожалению, нет уверенности в том, что люди говорящие о законности, нормальности и здравом смысле, которые оправдывают, сделанный ими выбор, понимают или готовы понять, что законность, норма и здравый смысл – суть только способы узаконить «задним числом» собственные произвол и насилие. А равно нет уверенности и в том, что выбор следует делать из тех соображений, что кто-то его *уже* сделал, а значит, *сделал и за меня*.

Более того, у людей взывающих к Закону и Здравому Смыслу, по всей видимости, нет или практически нет возможности увидеть истинные основания закона и здравого смысла. В самом деле, если дизъюнкция *уже* выполнена, то один из ее членов истинен, а другой ложен: если выбор *уже* сделан, то одна позиция законна, а другая нет; одна позиция нормальна, а другая аномальна; одна позиция центральна, а другая маргинальна; короче говоря, одна позиция утверждается, а другая отрицается. Иначе говоря, доступ к власти позволяет с одной стороны утверждать один из членов дизъюнкции в качестве законного и нормативного, но с другой стороны, этот

же доступ к власти препятствует осознанию самой операции дизъюнкции как насилия, поскольку требует легитимации и рационализации этого насилия. Когда сделанный выбор подкреплен властью, нет никаких оснований сомневаться в нем, поскольку этот выбор явным образом властью санкционируется и поощряется. Более того, власть апеллирует к Истине как своему предельному основанию, требующему делать выбор в пользу самой этой власти.

Таким образом, когда дизъюнкция выполнена, любые сомнения становятся не только незаконными, но и попросту опасными.

Когда Лемерт и Беккер говорят о «первичной» и «вторичной» девиации, речь, в сущности, идет о своего рода метаморфозе, происходящей с «я». Совершая отклоняющееся действие, субъект сталкивается с теми или иными санкциями, нацеленными на пресечение таких его действий. Под воздействием этих санкций, он вынужден понять, что его действия незаконны, а сам он воспринимается другими акторами в качестве девианта. Вследствие этого, субъект усваивает образ девианта, и функционирует в соответствии с этим, навязанным образом. (Lemert, 1978; Becker, 1963) Тем не менее, такая модель обнаруживает явные недостатки: помимо усвоения образа девианта, сохраняется такой образ «я», который явным образом связан с положительной оценкой собственных действий. И не важно, будут ли эти действия обосновываться посредством отсылок к несправедливому устройству общества, приписыванию отклоняющегося поведения всем акторам, специфическим особенностям некоторой группы акторов, или, попросту, обосновываться тем, что это *мои* действия. (Хабермас, 2001)

Это тоже выполненная дизъюнкция, но выполненная дважды: первый раз как интроекция альтернативного выбора, понятого как норма; второй – как собственный выбор, понимаемый как произвол. Таким образом, дизъюнкция, обнаруживает себя как насилие, поскольку норма, вступая в противоречие с *собственным выбором*, воспринимается как насилие, равно как и собственный выбор воспринимается как насилие по отношению к *норме*. Да, применять наркотики незаконно, ненормально и т. п., но я их применяю. Да, я применяю наркотики, но *это незаконно и ненормально*.

Когда сообщество исключает *помешанного*, речь идет о полной потере языка, поскольку самой операцией исключения субъект удостоверяется в качестве *абсолютного иного*, уже не существующего в порядке речи. Иначе говоря, помешательство это болезнь, входящая в речь как *отсутствие языка*, т.е. как бред. (Фуко, 1997) И именно в качестве больного, т.е. «некомпетентного участника коммуникации» (Хабермас, 2001), помешанный как поражается в правах, так и освобождается от ответственности. Когда исключается *уголовный преступник*, речь идет о переводе субъекта в альтернативное сообщество, в *параллельный* язык, который может быть противопоставлен языку исключającego сообщества. Действительно, преступник сохраняет все характеристики «компетентного участника коммуникации» (Хабермас, 2001), но исключается как угроза существующей системе норм. (Фуко, 1997) Когда же исключается *потребитель наркотиков*,

речь не может идти ни о полной утрате языка, так как употребление наркотиков преступление, и, прежде всего, преступление моральных норм, ни о переводе в альтернативный язык, так как употребление наркотиков – болезнь, а значит и альтернативного языка сформировать не может.

Таким образом, можно указать на три фигуры, существующие в порядке исключения из сообщества: помешанный, который соотносится с чистым произволом и полной потерей языка; преступник, который соотносится с установлением альтернативной системой норм и параллельным языком; и, потребитель наркотиков, который оказывается и тем и другим одновременно, но ни в коем случае не должен пониматься как нечто среднее.

Потребитель наркотиков, явным образом не совпадает ни с фигурой помешанного, ни с фигурой преступника: в отличие от помешанного сохраняется язык; в отличие от преступника – это язык исключаящего сообщества. Поэтому возникает конфликт между нормами, основывающимися в языке исключаящего сообщества, и попыткой легитимировать собственный произвол в порядке этого же языка. Однако, такой конфликт явно недостаточен, поскольку в нем задействованы только силы противоречия, связанные с Истиной и Властью. Действительно, здесь идет борьба за центральное положение и связанную с ним Власть, позволяющее при помощи апелляции к Истине эту власть узаконить. Да, применять наркотики незаконно и ненормально, но это *неправильный закон* и *неправильная норма*, ведь я применяю наркотики. Да, я применяю наркотики, но это *неправильно*, потому что это *незаконно и ненормально*.

Иначе говоря, дважды выполненная дизъюнкция представляет собой попытку утверждения противоречия. Но такое утверждение противоречия нацелено на его снятие через устранение одного из терминов, а не на его редукцию к уровню сопологания обоих терминов, где противоречие *еще* невозможно. Именно потому, что потребитель наркотиков пытается узаконить собственный произвол, его попытка обречена на провал.

Остановка же, сделанная на «додизъюнктивном» уровне, позволяет избежать вторичного обоснования сделанного выбора апелляцией к Закону и Истине. Действительно, фиксируя оба термина как сопологающиеся, равновозможные, и не соотнесенные с категорией истины, может быть открыто пространство произвола, не нуждающегося в легитимации. Такая остановка позволяет сделать выбор, оставаясь в пространстве, связанном со значимостью, привлекательностью, интересом, но не с истиной и властью. Такая остановка делает невозможным насилие власти и закона; а точнее, делает невозможным узаконивание насилия власти.

В качестве вывода, хотелось бы указать на два момента: 1) возможность переосмысления отношения к проблеме потребления наркотиков; 2) необходимость понимать предложенный текст не в качестве доказательства, приводящего к однозначному выводу, но в качестве описания некоторого явления, не имеющего отношения ни к выводам, ни к однозначности.

1. Аристотель, Сочинения в четырех томах, М., Мысль, 1976
2. М. Фуко "История безумия в классическую эпоху", М., 1997.
3. Ю. Хабермас Моральное сознание и коммуникативное действие. С.-Пб, «Наука», 2001.
4. Lemert, Edwin M. / Forrest Dill: Offenders in the Community. Lexington – Toronto 1978.
5. Becker Howard S. The Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. NY. 1963.